

Особенности межличностных отношений российских подростков в социальных сетях

Г.У. Солдатова МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

О.И. Теславская Центр мониторинга рисков и социально-психологической помощи Академии социального управления Москва, Россия

Поступила 24 августа 2018/ Принята к публикации: 7 сентября 2018

Interpersonal relations of Russian adolescents in social networks

Galina U. Soldatova* Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Oksana I. Teslavskaya Center for Monitoring Risks and Social Psychological Aid, the Academy of Social Management, Moscow, Russia

* Corresponding author E-mail: soldatova.galina@gmail.com

Received August 24, 2018 / Accepted for publication: September 7, 2018

Актуальность (контекст) тематики статьи. С развитием онлайн-технологий дружеские отношения подростков переместились в социальные сети, которые способствуют расширению их круга общения за счет виртуальных знакомств. При этом отмечается нехватка данных о размере социальной сети онлайн-контактов подростков, их представлений о реальной и виртуальной дружбе, сведений о фактическом характере их отношений с различными категориями интернет-пользователей, в первую очередь — виртуальными друзьями, общение с которыми происходит исключительно в интернете.

Цель. Количественный анализ круга контактов российских школьников в социальных сетях, их представлений о дружбе в реальном и виртуальном мире и особенностей их общения с реальными друзьями и знакомыми, а также виртуальными друзьями.

Описание хода исследования. Проведено анкетирование с использованием авторского опросника (43 вопроса), включающего: вопросы о количестве друзей и подписчиков в социальных сетях; взаимоотношениях подростков с реальными друзьями, знакомыми и виртуальными друзьями; методику «незаконченные предложения» о различиях реальной и виртуальной дружбы. Сбор данных осуществлялся в рамках образовательного проекта «Предметные сборы: Малая академия Подмосквья» в школах г. Москвы и области. В исследовании приняли участие юноши и девушки 13–16 лет (N=366). Для сравнительного анализа использованы данные исследования Kids Online II, проведенного Фондом Развития Интернет (2010) на подростках 13–16 лет (N=604).

Результаты исследования. Результаты контент-анализа ответов показали, что реальная дружба для подростков имеет большую значимость из-за присутствия в ней непосредственного контакта, Эмоционального обмена, Доверия, Совместного времяпрепровождения, Взаимопомощи. Виртуальная дружба, с точки зрения детей, характеризуется отсутствием, нехваткой либо негативной инверсией (из доверия — в недоверие, из безопасности — в небезопасность) данных компонентов в виртуальной дружбе. При этом каждый второй подросток имеет виртуального друга, с которым делится переживаниями по поводу отношений с родителями (35%), друзьями и учителями (51–53%), возлюбленными (47%).

Выводы. Количество социальных связей онлайн у школьников превышает нижнюю границу диапазона Данбара, сравниваясь с аналогичными показателями у взрослых. Расширение виртуального круга общения происходит как за счет реальных друзей и знакомых, так и незнакомых ребенку в обычной жизни виртуальных друзей, что ставит вопрос о качестве данных отношений. Виртуальные друзья выступают в роли «случайных попутчиков», поскольку с их помощью школьники удовлетворяют потребности в близком общении, вплоть до интимного. Это происходит даже несмотря на осознание самими детьми недостатков общения онлайн по сравнению с офлайн-отношениями. Феномен виртуального друга, таким образом, занимает одно из ключевых мест в системе межличностных отношений современного подростка и, безусловно, требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: дружба, социальные связи у подростков, онлайн-коммуникация у подростков, число Данбара, онлайн-дружба, социальные сети, друзья и знакомые, друзья и подписчики, реальные и виртуальные друзья.

Background. In the period of adolescence, friendship plays the key role for developing the adolescent personality, for determining their psychological well-being now and for further living. There is lack of data about the actual size of their online friend zone, adolescent perception of real and virtual friendship, and factual features of their relationships with different categories of users, primarily with virtual friends, who adolescents communicate only in the Internet.

Objective. The quantitative research of the online circle of contacts of Russian adolescents in social media, their perceptions of real and virtual friendship, and regular features of their communication with real friends and acquaintances, and virtual friends.

Design. The survey among adolescents from Moscow, Russia, and Moscow region, Russia, was conducted (N=366, aged 13–16 years old) using the questionnaire of 43 questions about their friend list size and number of online followers; youths' relationship with real friends and acquaintances, and virtual friends; the method of the unfinished sentences with the following content analysis aimed to investigate adolescent perception of real and virtual friendship. For comparison, we also used data of the All-Russian survey Kids Online II (N=604) conducted by the Foundation for Internet Development (2010).

Results. The results show that 50% of adolescent contacts (aged 15–16) and 43% aged 13–14 outweighs the lower limit of the Dunbar number (100 social connections). Thus, they are almost equivalent to the quantity of social contact of an adult. Friend zone extension occurs due to real friends and acquaintances, and 'unknown' virtual friends (whom the adolescent has not seen in real life), hence raising the issue of such relationships' quality. The results of the content analysis of adolescent answers about differences between real and virtual friendship show that real friendship is more important to them as it contains Direct interpersonal contact (tactile and visual), Emotional exchange, Trust, Co-Activities, Mutual support. Virtual friendship has been characterized through absence, significant lack and/or negative inversion (e.g. from Trust to Mistrust) of these components. Simultaneously, each second youth has virtual friend, whom he/she trusts enough to share private topics, so that such virtual friends play the role of 'by chance companions'. Adolescents discuss with them life problems and conflicts with parents (35%), real friends and teachers (51–53%), and also their beloved ones (47%).

Conclusion. The number of online social connections among adolescents exceeds the lower limit of the Dunbar range, comparing with similar indicators in adults. Expansion of the virtual circle of communication occurs both at the expense of real friends and acquaintances, and virtual friends unfamiliar to the child in everyday life, which puts the question of the quality of these relations. Virtual friends act in the role of «casual fellow travelers», because with their help adolescents satisfy the needs for intimate contact. This happens even though the children themselves are aware of the disadvantages of online communication compared to offline relationships. The phenomenon of a virtual friend, therefore, occupies one of the key places in the system of interpersonal relations of a modern adolescent and requires further study. On the whole, the phenomena of the 'unknown friend' holds one of the key places in the adolescents system of relationships, thus requiring special research.

Key words: friendship, adolescent social connections, online communication in adolescence, Dunbar number, friends and acquaintances, online friendship, social media, friends and followers, real and virtual friends.

В психологии дружба трактуется как важнейший феномен, определяющий индивидуальное развитие личности, один из ключевых видов межличностных отношений. Этико-философские и психологические аспекты, содержание феномена дружбы с самого начала XX столетия лежали в зоне внимания отечественных психологов-исследователей (Гозман, 1987; Кон, 1973, 1980; Мудрик, 1974; Сухомлинский, 1971 и др.), которые считали ее «привилегированным возрастом» отрочество и юность. Дружеские отношения в переходном периоде имеют очень большое значение для дальнейшего становления личности, сверстники занимают место самых «значимых других», вытесняя не только учителей, но и родителей. В исследовании А.В. Мудрика московские школьники (5-10 класс) фиксировали не только то, насколько хорошо родители и друзья понимают их, но и оценивали важность понимания с их стороны, независимо от степени фактической физической близости. Оказалось, что, как только речь заходила о близости психологической – понимании и доверии в общении в приоритете оказывались друзья (Мудрик, 1974).

Современные зарубежные исследования дружеских отношений подростков чаще всего ведутся в контексте проблемы психического здоровья детей и подростков. Исследователи изучают эволюцию

детских понятий, язык и образы дружбы, динамику нормативных требований к друзьям, статус друзей в иерархии значимых других, восприятие подростками их близких отношений со сверстниками, смену данных представлений и трансформацию самих дружеских связей по мере взросления подростка и развития его самосознания и других факторов (Hennighausen et al., 2004; Marsh et al., 2008; Dolgin, Rice, 2012; Kuruzovic, 2016 и др.). Большинство работ отличается комплексным характером и предполагает многомерный факторный анализ, в котором высокое качество привязанности к сверстникам в подростковом возрасте (в совокупности с рядом других переменных) выступает предиктором общего благополучия и нормального уровня социальной и личностной адаптированности. На базе Миннесотского лонгитюдного исследования «Риск и уровень адаптации» были разработаны модели развития от младенчества до взрослости, в которых соотносилось качество отношений, характерных для различных возрастных периодов (например, привязанность к няне в младенчестве, отношения со сверстниками и защищенность в дружбе, успешность романтических взаимоотношений и влюбленности), с адаптивностью в 28-летнем возрасте. На всех возрастных этапах качество отношений выступило предиктором характера последующих взаимоотношений

и убедительно коррелировало с адаптивным функционированием в период ранней взрослости (Englund, 2011). Результаты еще двух исследований, проведенных на студентах 16–20 лет, отразили взаимосвязь между качеством привязанности в семейных и дружеских отношениях со сверстниками и самоуважением, удовлетворенностью жизнью и аффективным статусом. Качество отношений и с родителями, и со сверстниками существенно обуславливало психологическое благополучие подростков. Подростки с высоким уровнем позитивной привязанности чаще были способны к поиску социальной поддержки и открыты ее получению, гораздо реже замыкались и негативно реагировали в ответ на стрессовые жизненные события (Armsden, Greenberg, 1987).

Отметим, что немало работ на данную тему носят клинический характер и убедительно доказывают исключительное значение привязанности в подростковом возрасте не только для психического и психологического благополучия, но даже для физического здоровья подростков. В исследовании подростков и молодежи в возрасте 13–27 лет изучались особенности подростковой дружбы в качестве долговременного предиктора физического здоровья. Оказалось, что качество близких отношений со сверстниками в раннем подростковом возрасте выступает предиктором состояния здоровья во взрослом возрасте, вне зависимости от побочных факторов: наличия избыточного веса, тревожности и депрессивных симптомов, личностных характеристик, финансового благополучия и физической привлекательности в подростковом периоде (Allen, Uchino, Hafen, 2015).

Уровень социальной благожелательности по отношению к девочкам (4–6 и, соответственно, 10–12 класс) в группе и уровень агрессии в качестве предикторов экстерналиных проблем, наличие пагубных пристрастий (курение, алкоголь, марихуана) и рискованное сексуальное поведение в подростковом возрасте изучались в процессе шестилетнего лонгитюдного исследования. Результаты свидетельствуют в поддержку опосредованной модели, согласно которой уровень социального принятия меняет природу взаимосвязи между агрессией в детском возрасте и ее последствиями в подростковом.



Галина Уртанбековна Солдатова – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заместитель заведующего кафедрой психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: soldatova.galina@gmail.com
https://istina.msu.ru/profile/Soldatova_Galina/



Оксана Игоревна Теславская – научный сотрудник Центра мониторинга рисков и социально-психологической помощи Академии социального управления
E-mail: teslavskaia@gmail.com
<https://istina.msu.ru/profile/olkina/o/>

В сочетании с отвержением сверстников агрессивное поведение оставалось стабильным на протяжении времени исследования и значимо коррелировало с рискованным сексуальным поведением и употреблением психоактивных веществ. Если же у девочки не было проблем в общении со сверстниками, она была принята ими, то данная взаимосвязь исчезала (Prinstein, La Greca, 2004).

С развитием онлайн-технологий социальные отношения подростков, в том числе и дружеские, переместились в социальные сети, удовлетворяющие потребность подростков в общении и выступающие эффективным инструментом не только организации коммуникации, но и расширения круга общения за счет виртуальных знакомств. Таким образом, социальные сети все чаще становятся средством накопления социального капитала и способствуют появлению связей, которые впоследствии могут приобрести особое значение для подрастающей личности (Quan-Haase, Wellman, 2004; Freberg et al., 2010; Wang, Wellman, 2010; Brandtzæg, Heim, Kaare, 2010). В связи с этим, особый интерес представляет достижение подростками в социальных сетях числа Данбара – величины, обозначающей предельное количество устойчивых социальных связей, которые может поддерживать взрослый человек. По мнению социального антрополога Р. Данбара, данный лимит может быть рассмотрен с позиции гипотезы «социального мозга», предполагающей существование количественных показателей размеров социальной сети, определяемых когнитивными и временными возможностями. Это число обычно рассматривается в диапазоне 100–200 чел. и чаще всего считается равным 150 для взрослого человека. Однако по данным его последнего исследования, проведенного на двух выборках взрослых людей ($N > 3500$, возраст 18–65 лет), молодые респонденты (18–24 года) имеют существенно более широкую сеть друзей в онлайн-среде, нежели старшие возрастные группы (Dunbar, 2016). При этом вопрос о размере социальной сети контактов у детей и подростков (лиц моложе 18 лет) в настоящий момент остается открытым. Не менее важно и то, насколько близкими, эмоционально глубокими и насыщенными могут быть та-

Уровень социального принятия меняет природу взаимосвязи между агрессией в детском возрасте и ее последствиями в подростковом. В сочетании с отвержением сверстников агрессивное поведение оставалось стабильным на протяжении времени исследования и значимо коррелировало с рискованным сексуальным поведением и употреблением психоактивных веществ

кие дружеские отношения, создаваемые и поддерживаемые посредством информационно-коммуникационных технологий, ведь количество межличностных связей далеко не всегда означает их качество, а дружба в жизни и в виртуальной среде неравнозначны.

Для ответа на эти актуальные вопросы в данной статье нами были поставлены задачи количественного анализа круга общения российских подростков в социальных сетях, исследования особенностей их общения с различными категориями пользователей и их представлений о дружбе в реальном и виртуальном мирах. Нами был использован авторский опросник (43 вопроса), который включает следующие разделы:

- 1) вопросы о количестве друзей и подписчиков в социальных сетях;
- 2) вопросы о действиях подростков в социальных сетях (добавление и удаление из друзей и подписчиков);
- 3) методика «незаконченные предложения» с последующим контент-анализом, позволяющая проанализировать представления подростков о дружбе и межличностных отношениях в реальной жизни и в социальных сетях;
- 4) вопросы о фактических взаимоотношениях подростков с реальными друзьями, знакомыми и виртуальными друзьями.

Не менее важно и то, насколько близкими, эмоционально глубокими и насыщенными могут быть такие дружеские отношения, создаваемые и поддерживаемые посредством информационно-коммуникационных технологий, ведь количество межличностных связей далеко не всегда означает их качество, а дружба в жизни и в виртуальной среде неравнозначны

Сбор данных осуществлялся в рамках образовательного проекта «Предметные сборы: Малая академия Подмосковья», а также в ряде школ г. Москвы и области. В исследовании приняли участие 366 учащихся 7–10 классов (223 подростка 13–14 лет, 143 юношей и девушек 15–16 лет). Дополнительно для сравни-

тельного анализа динамики пользования социальными сетями и количества «френдов» у подростков были использованы данные всероссийского исследования Kids Online II, проведенного Фондом Развития Интернет в 2010 г. (604 респондента, из них 287 российских подростков 13–14 лет и 317 юношей и девушек в возрасте 15–16 лет) (Солдатова и др., 2011).

Круг общения подростков в социальных сетях: друзья и «подписчики»

В первую очередь нам было важно уточнить, как часто подростки, желая наладить как можно больше контактов с другими пользователями, преодолевают нижнюю границу диапазона Данбара в социальных сетях. Согласно результатам нашего исследования, с 2010 г. количество контактов российских школьников в социальных медиа и прочих онлайн-сообществах неуклонно возрастает. В 2010 г. и у младших (13–14 лет), и у старших (15–16 лет) подростков показатели количества онлайн-контактов были почти одинаковы. Трое из каждых четырех школьников (74–76%) указали, что количество их «френдов» в социальных сетях не превышает 100 человек, соответственно, у четверти детей (24–26%) из обеих возрастных групп это ко-

личество было выше 100. Однако, спустя пять лет, в 2016 г. среди подростков 13–14 лет втрое уменьшилась доля имеющих менее 10 «френдов» (с 18 до 6%), а среди старших подростков таковых вообще практически не оказалось (это число упало с 16 до 3%). В целом же, по данным 2016 г. в виртуальной среде у половины стар-

ших подростков 15–16 лет и чуть меньше (43%) у детей 13–14 лет находится более 100 пользователей. При этом за прошедшие годы в данных возрастных группах почти вдвое выросло количество школьников, имеющих в социальной сети более 100 «френдов», что вышло за рамки нижней границы диапазона Данбара (рис. 1).

установил ограниченный доступ (например, «видно только друзьям» или «не показывать никому»). Однако подписчики вполне могут наблюдать за жизнью подростка и публичной информацией, которую он размещает на своей странице, таким образом, в целом имея представление о его интересах, предпочтениях, а в слу-

зей, которое практически эквивалентно среднестатистическому числу таких связей у взрослого человека. Более того, для немалого количества детей – для каждого пятого (20%) социальная паутина является вполне «живой» в том смысле, что дети знают пользователей, которых они добавляют в друзья, лично и поддерживают коммуникацию с большинством из них. Вероятнее всего, данный круг общения в виртуальной среде сформирован, прежде всего, из тех сверстников и взрослых, которые присутствуют в повседневном социальном пространстве подростка – это члены семьи и родственники, соседи, одноклассники и знакомые из школы, а также из различных учреждений дополнительного образования (досуговые центры, кружки и секции и т.д.). С какой-то частью своих друзей дети знакомятся во время каникул – в поездках с родителями, лагерях, на дачах и в гостях у родственников.

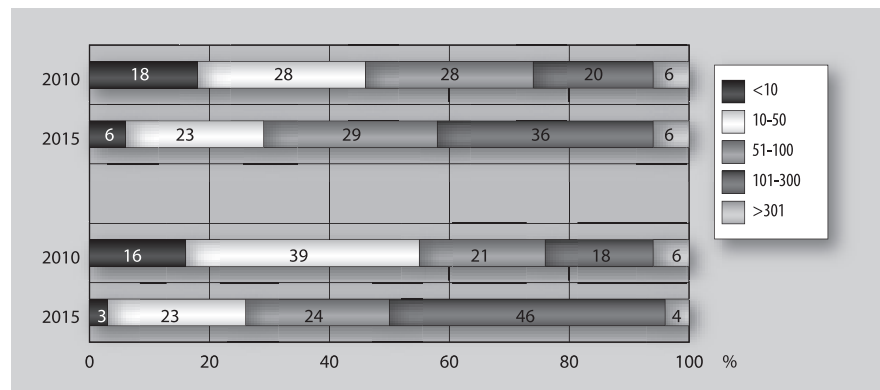


Рис. 1. Количество «френдов» в социальных сетях у подростков 13–14 и 15–16 лет, 2010 и 2016 гг., %
Fig. 1. The number of «friends» in social networks among adolescents of 13-14 and 15-16 years, as of 2010 and 2016 (%)

В октябре 2011 г., в связи с введением в социальной сети ВКонтакте новой функции, круг общения пользователей данной социальной сети распался на собственно «френдов» и «подписчиков» или «фолловеров» (от англ. to follow – «следовать»). В последнюю группу пользователь может попасть, когда отправляет запрос «в друзья» подростку, но он его игнорирует. «Френды» и «подписчики» различаются тем, что имеют возможность видеть раз-

чаяя наличия геометок и о местах, которые посещает ребенок. Согласно результатам нашего исследования, в 2016 г. около четверти детей 13–14 лет (23%) указали, что в их виртуальной жизни в роли подписчиков участвует более 100 человек. Для подростков 15–16 лет это число еще выше – каждый третий ребенок (38%) отмечает, что на его страницу в социальных сетях подписано более 100 пользователей (рис. 2).

Отношения подростков с реальными друзьями, знакомыми и виртуальными друзьями

Для качественной характеристики межличностных отношений российских подростков в интернете, в первую очередь, необходимо определить те группы пользователей, за счет которых дети могут наращивать свой социальный капитал онлайн. В социальных медиа круг «френдов» российских школьников сегментирован и разбивается на следующие категории:

Реальные друзья и знакомые. Это лица, которые входят в круг общения подростка в его оффлайн-среде: семья (близкие и дальние родственники), соседи, одноклассники и школьные знакомые, друзья из кружков и секций, люди, с которыми ребенок знакомится во время летних каникул в лагерях, поездках и на улице. Отметим, что существует качественное различие между просто знакомым и другом. Оно заключается в степени близости и интенсивности общения. Со знакомыми общение у ребенка носит разовый или бессистемный характер и более формально, в то время как с другом подростки стремятся проводить время вместе и

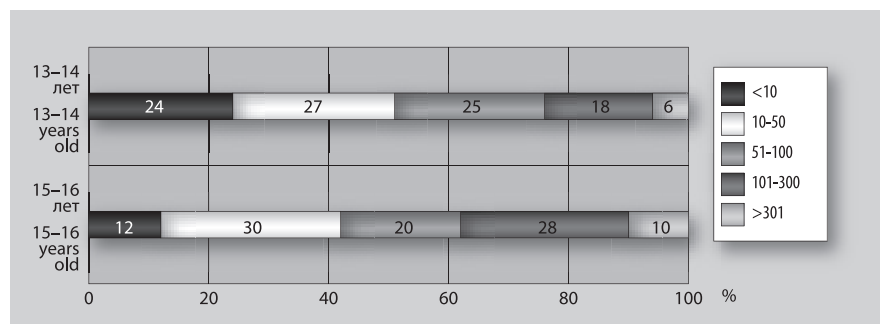


Рис. 2. Количество «подписчиков» в социальных сетях у подростков 13–14 и 15–16 лет, 2016 гг., %
Fig. 2. The number of «subscribers» in social networks among adolescents of 13-14 and 15-16 years, as of 2016 (%)

личный объем и виды информации, которые подросток публикует на своей странице. Подписчики не увидят тех сведений о ребенке, к которым он сам либо с помощью взрослых в настройках приватности

Иными словами, половина подростков 13–16 лет из Москвы и Подмоскovie в своем виртуальном пространстве (в первую очередь в социальных медиа) имеет такое количество социальных свя-

общаться более интимно, делясь сокровенными переживаниями и новостями.

Виртуальные друзья. В данную категорию попадают онлайн-пользователи, которых подросток встретил на просторах интернета, но в реальной жизни не видел. При этом в Сети он предоставляет им доступ к персональной информации. С виртуальными «френдами» подросток может осуществлять совместную деятельность онлайн (например, в видеоиграх или чатах), поддерживать систематическое и достаточно интимное общение. Не исключено, что однажды произойдет «развиртуализация» интернет-друга. Если случается такая встреча в реальной жизни, виртуальный друг переходит в категорию реальных знакомых либо друзей. Самая яркая иллюстрация такой ситуации: участники онлайн-игр, которые сначала поддерживают коммуникацию в игровых чатах, затем мигрируют в социальные сети, а потом устраивают «сходки» в кафе или на улице. Согласно результатам нашего исследования, половина подростков обеих возрастных групп (50%) имеет таких виртуальных друзей. Российские школьники чаще всего общаются с виртуальными друзьями из своей страны и в подавляющем большинстве случаев выбирают друга своего пола. Для характеристики личности своих «незнакомых друзей» большинство подростков выбирает положительные определения, называя их «успешными», «честными», «дружелюбными», «добрыми» и «обаятельными».

Названные выше категории друзей – это ключевые, с точки зрения качества коммуникации подростка, группы людей, присутствующие в его социальных сетях. Однако необходимо обозначить остальные группы пользователей, которые входят в виртуальную «френд-зону» ребенка. Во-первых, это «френды френдов» – пользователи интернета, с которыми ребенок незнаком лично, и редко либо вообще не общается в интернете, однако имеет общих друзей и поэтому добавил их в свой список контактов. Со временем такие пользователи могут либо стать виртуальными друзьями, либо, если коммуникация с ними не будет значима для подростка, выбыть из его круга общения, став «подписчиками».

Во-вторых, в списке друзей школьников могут оказаться посторонние, абсолют-

но незнакомые пользователи. Подросток может не иметь ни малейшего понятия об их настоящей личности, но, тем не менее, эти пользователи по каким-либо при-

ним, что это около половины от общего количества опрошенных) – что из перечисленного они делают со своим виртуальным другом (рис. 3).

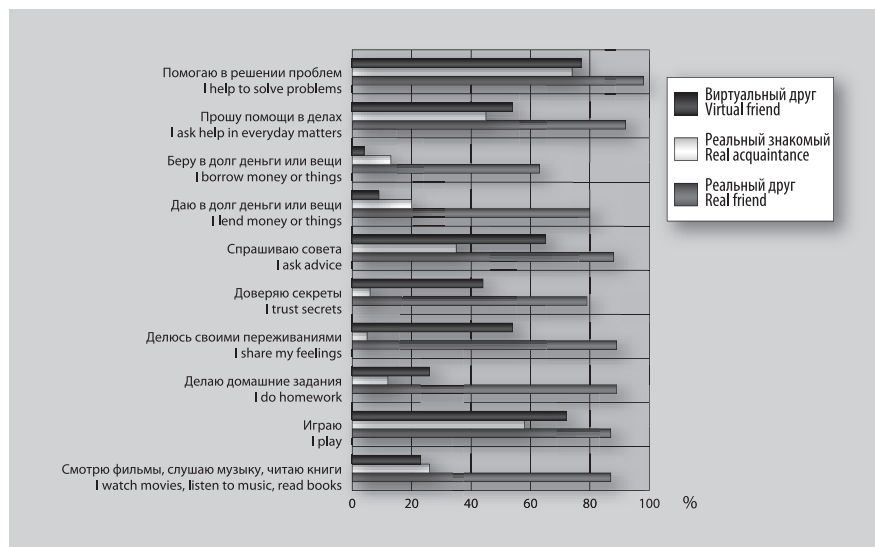


Рис. 3. Основные виды совместной деятельности подростков с реальными друзьями и знакомыми и виртуальными друзьями, %

Fig. 3. Major types of joint activities in adolescents with real friends and acquaintances and virtual friends (%)

чинам оказываются в его виртуальном круге. Здесь стоит похвалить российских школьников за осторожность – подавляющее большинство опрошенных нами детей заявили, что личное знакомство в реальной жизни – основной фактор, влияющий на их решение о добавлении во «френды», поэтому пользователи, личность которых ребенок не может идентифицировать, обычно сразу отсеиваются в «подписчики». Таким образом, каждый третий юный пользователь (34%) добавляет к себе только своих реальных друзей и знакомых, еще половина (55%) детей добавляет «френдов френдов», с которым он связан через своих реальных знакомых и друзей. Не более 11% детей подтверждают любые запросы в друзья. Из дальнейшего анализа мы исключили две последние группы, поскольку серьезной значимости для изучения межличностных отношений у подростков в социальных сетях они не представляют.

Итак, юных пользователей, которые выступили респондентами в нашем исследовании, мы спросили о том, что они делают со своими друзьями и знакомыми в реальной жизни, а тех из них, у которых есть виртуальные «френды» (напом-

Поскольку варианты совместной деятельности, характерные для обычной жизни, в онлайн-пространстве невозможны либо ограничены, по ряду параметров предполагалось проследить различия только между офлайн-друзьями и знакомыми. Самые важные взаимодействия – уличные прогулки и совместное посещение мероприятий: 9 из 10 опрошенных школьников выйдут погулять с друзьями, а со знакомыми – только половина. Из возможных видов активности, доступных и в жизни, и в интернете, можно упомянуть видеоигры, просмотр кино, прослушивание музыки, совместное чтение, подготовку домашних заданий (их можно делать в личных сообщениях в социальных сетях или через мессенджеры). В видеоиграх подростки играют и со знакомыми, и с друзьями – реальными и виртуальными. Когда доходит до личных предпочтений, школьники чаще всего разделяют их с другом – посмотрят с ним фильм, послушают аудиозаписи, поделится текстом книги. При этом около четверти детей, в принципе, готовы делать это не только с близкими друзьями, но со знакомыми и виртуальными друзьями. Что касается подготовок

уроков, то здесь наблюдается следующая картина. Конечно, дети предпочитают выполнять домашние задания с реальными друзьями, при этом с виртуальным другом их делает (аналогично просмотру видео и прослушиванию музыки) каждый четвертый ребенок (26%), а со знакомыми готовятся к учебе всего 12% детей.

На вопросы о том, кому дети готовы оказать помощь либо попросить о ней, были получены следующие ответы. В целом школьники отмечают, что им гораздо легче самим помочь другу, нежели попросить о поддержке кого-либо из сверстников. Практически все дети заявляют, что всегда готовы помочь в решении сложных проблем своим близким друзьям, большинство также не откажут ни знакомому (77%), ни виртуальному другу (73%). Подавляющее большинство подростков (80%) готовы одолжить своему реальному другу ценные вещи или деньги, каждый пятый окажет такую помощь знакомому, только каждый десятый – виртуальному другу. При этом, когда дело касается просьб о помощи, все дети ожидаемо обращаются к своим реальным друзьям, 54% – к виртуальным, реже всего (45%) – к реальным знакомым. Больше половины подростков (63%) смогли бы одолжить деньги или какую-либо необходимую вещь у друга. У знакомого готовы попросить материальную помощь гораздо меньше детей (13%). У виртуального друга практически никто не попросит денег (всего 4%), хотя больше половины школьников, как уже было описано выше, прибегает к помощи таких пользователей. Мы предполагаем, что здесь имеет место своего рода подростковая онлайн-терапия – за советом к виртуальному другу обратятся две трети школьников (65%), при том, что у реального знакомого спросит совета лишь чуть более трети подростков (35%). Из числа детей, имеющих виртуального друга, доля тех, кто доверит ему тайну (44%), более чем в семь раз превышает число тех, кто расскажет секрет знакомому (6%) в реальной жизни.

В своем исследовании мы не рискнули уточнять у подростков, какие именно секреты они раскрывают своим виртуальным друзьям, однако мы все же задали вопрос о темах, на которые школьники могут с ними общаться. Примерно 9 из 10 респондентов (87–91%) говорят с вирту-

альными друзьями на нейтральные темы – сюда входят обсуждения онлайн-контента, фильмов, аудиозаписей и книг, беседы обо всем, что касается совместных увлечений. Трое из четырех подростков (75%) активно обмениваются новостями с онлайн-другом, примерно столько же поделится с ним мечтами о будущем и о своих жизненных перспективах (75%), 72% могут поговорить об уроках. Отметим, что эти темы предполагают достаточно высокий уровень откровенности и дают виртуальному другу шанс получить различную информацию о ребенке. Наконец, около половины опрошенных подростков в коммуникации с «незнакомым другом» затрагивают очень личные вопросы. В первую очередь, это темы, которые сильно волнуют подростков и определяют их эмоциональный фон: тяжелые ситуации из повседневной жизни (51%), проблемы в ближайшем кругу общения, например, сложности с учителями (53%), отношения с противоположным полом (47%), ссоры и конфликты с друзьями (46%). Наконец, треть детей (35%) посвящает виртуального друга и во внутрисемейные проблемы.

Таким образом, получается, что школьники, ощущая острую необходимость в том, чтобы поделиться своими переживаниями, и нуждаясь в эмпатическом общении, удовлетворяют эту потребность с помощью общения в Сети. В обычной жизни этот феномен известен под названием «синдром попучика» – легче «излить душу» совершенно чужому человеку, с которым вы совершенно случайно оказались в совместной поездке, нежели тому, кого вы давно знаете. Подростки уверены в том, что виртуальный друг находится на значительном расстоянии и не способен оказать серьезное влияние на сложившуюся ситуацию. Кроме того, у них есть, на самом деле, ложная уверенность, что в любой момент можно «свернуть» переписку и больше к ней не возвращаться. Это также способствует тому, что юные пользователи доверяют виртуальному другу сильнее, нежели простому знакомому. Схожая ситуация наблюдается и в эмоциональном обмене – доля тех, кто делится с виртуальными друзьями переживаниями, более чем в 10 раз превышает процент детей, которые откроют свои чувства реальному знакомому,

и в два раза меньше тех, кто откроется реальному другу.

Отметим, что такое дружеское общение порой приобретает откровенно интимный характер и перерастает в «онлайн-любовь»: почти каждый пятый респондент (18%) отметил, что наблюдал за развитием романов в своих социальных сетях. Контент-анализ 120 анкет школьников 12–17 лет в тематическом онлайн-сообществе «Знакомства для подростков» в социальной сети «ВКонтакте» показал, что практически половина (44%) юных пользователей размещают анкеты с целью поиска возлюбленного(-ной), а 56% ищут подругу или друга. Мальчиков, заинтересованных в романтических отношениях, в два с половиной раза больше, чем девочек (66% против 26%). Они часто ссылаются на то, что «с друзьями у меня все в порядке», а девочки, наоборот, говорят, что им «скучно, не с кем общаться», что указывает в первую очередь на недостаток эмоциональной близости в целом (Журина, 2016).

Представления школьников о реальной и виртуальной дружбе

Рассмотрим различия во взглядах наших респондентов на виртуальную и реальную дружбу. В первую очередь нас интересовал вопрос о том, насколько они осознают различия данных форм межличностных отношений, и в чем, по их мнению, заключается эта разница. Для получения ответов мы воспользовались методом незаконченных предложений. Подросткам было необходимо продолжить следующие предложения: «Дружба в реальной жизни – это ...» и «Дружба в социальных сетях – это ...». После проведения процедуры контент-анализа ответов школьников мы выделили ряд категорий, которые впоследствии послужили основой для сравнения представлений подростков о реальной и виртуальной дружбе. Наибольший вес среди них получили следующие: непосредственный зрительный и тактильный контакт, эмоциональный обмен, доверие и безопасность, совместное времяпрепровождение, помощь, взаимопонимание, регулярность коммуникации, информационный обмен (рис. 4).

Согласно ответам подростков, самый важный и ключевой компонент дружеских взаимоотношений в реальной жизни – это непосредственный зрительный и физический контакт, о нем упомянул почти каждый второй респондент (46%). Возможность видеть собеседника «глаза в глаза», поддерживать зрительный контакт и следить за выражением лица, проявлять тактильные знаки внимания (прикасаться, целовать, обнимать, обмениваться рукопожатиями), а также делиться с друзьями новостями в реальном времени-пространстве – все это подростки считают исключительно важными характеристиками дружеских отношений, называя такую дружбу «настоящей», «живой». Виртуальная дружба закономерно характеризуется подростками невозможностью установления тактильного контакта и серьезными ограничениями визуального взаимодействия. Действительно, инфокоммуникационные технологии далеко не всегда обеспечивают хорошее качество связи. Каждый четвертый подросток (26%) заметил, что дружба онлайн – это когда «собеседника не видно», дети характеризуют это общение как «неживое», «искусственное». В ответах сквозит сожаление о том, что через интернет друга нельзя почувствовать, это «только лишь переписка», и о том, что некоторые такие друзья, вероятнее всего, навсегда останутся в виртуальном пространстве, т.к. они живут в других странах и городах и они «никогда не увидят такого друга в реальной жизни».

Следующий по важности компонент, свойственный реальной дружбе, который выделяет каждый третий ребенок (35%) – это возможность обмена эмоциями, причем, в первую очередь, теплыми, позитивными. Этот момент тесно связан с предыдущим. Дети характеризуют дружеские отношения в офлайне как «отношения, где можно раскрыть свои нежные чувства», где присутствуют «переживания и радость от совместных побед», «прогулки, смех и веселье». При этом онлайн-дружбу с точки зрения наличия в ней позитивных переживаний описывают не более 6% детей, и ведущей эмоцией в данном случае выступает интерес. Таким образом, с точки зрения каждого пятого подростка-пользователя (21%), виртуальная дружба значительно уступает реаль-

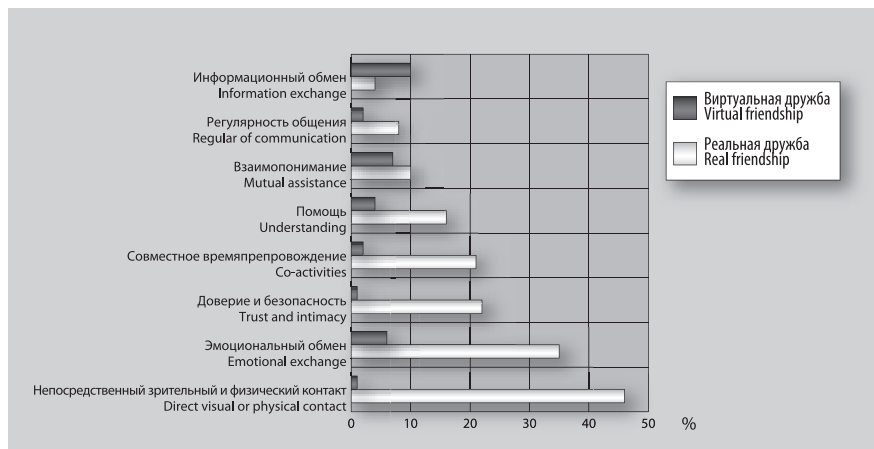


Рис. 4. Категории реальной и виртуальной дружбы, результаты контент-анализа (% детей, отметивших наличие категории)

Fig. 4. Categories of real and virtual friendship, the results of content analysis (% of children who marked the presence of this category)

ной, поскольку в ней явно присутствует неполноценность эмоций и их дефицит. Более того, подростки не до конца уверены в подлинности чувств своих «френдов»: «дружба в социальных сетях – это виртуальные эмоции, ненастоящее общение, но в действительности ты абсолютно не знаешь, что за человек находится по ту сторону экрана, какой он и чего хочет». Получается, что обмен переживаниями, чувствами в виртуальном мире претерпевает редукцию в виде недостатка эмоций в целом, а также качественную трансформацию – например, наблюдается замена эмоций радости и нежности интересом. Дети понимают, что такая дружба характеризуется дефицитом искренности, вызванной, в первую очередь, объективными свойствами дистанционного общения – ограниченными возможностями наблюдения за мимикой и реакциями собеседника, отсутствием непосредственного взаимодействия, которые позволяют дифференцировать эмоции человека, находящегося по другую сторону экрана, лишь с приблизительной точностью.

Каждый пятый подросток (22%) упоминает о том, что для дружбы в реальном мире необходимо доверие, которое большинство подростков раскрывают через понятие «безопасность», подразумевая недопустимость предательства со стороны друга. Об этом свидетельствуют следующие ответы: «в дружеских отношениях один человек никогда не бросит в тяжелой ситуации другого», «на друга всегда можно рассчитывать», «я уверена, что моя

подруга никогда не предаст меня». В виртуальной дружбе подростки не рассчитывают на высокую степень безопасности – о наличии доверительных отношений с «онлайн-френдами» упомянули только 8% детей. Отметим также, что в интернете доверие и безопасность инвертируются в противоположные категории, обретая негативный знак – они становятся недоверием и «небезопасностью», об этом говорят 7% респондентов. Подростки считают, что виртуальное общение не способно обеспечить должный уровень доверия, «дружба не может быть крепкой, ведь онлайн-пользователь не видит тебя и не знает тебя настоящего, какой ты в реальности». Часть детей в ответах заключили слово «дружба» в кавычки, называя ее «как бы дружбой», говоря о виртуальных друзьях как о тех, кого «ты как бы знаешь», и кто «заботится» о тебе, хотя неизвестно, что на самом деле у этого человека в голове». Таким образом, виртуальные друзья, по мнению школьников, ненадежны, это скорее «как бы друзья», и проверить такую дружбу на прочность представляется весьма затруднительным.

Большое значение в реальной дружбе между подростками играет совместное времяпрепровождение – наряду с категорией «доверие» о нем упоминает пятая часть респондентов (21%). В эту категорию попадают различные совместные выходы в общественные места, прогулки по улицам и общение вне школьных стен и квартир. В дружбе онлайн данная категория имеет аналогичный вес –

на совместное времяпрепровождение указывает пятая часть детей. Однако содержание этой категории существенно трансформируется. Поскольку прогулка вместе с виртуальным другом невозможна, то дети увлекаются совместным геймингом (играют в многопользовательские игры на удаленных серверах) с ним, а также текстингом или онлайн-перепиской с использованием различного рода чатов, форумов и мессенджеров. Переписки такого рода могут быть достаточно продолжительными по времени, содержать информацию личного и интимного характера и в целом представляют собой совершенно самостоятельную активность, заменяя прогулки, дружеские домашние посиделки и прочие традиционные способы времяпрепровождения в подростковых компаниях.

Вслед за категорией совместной деятельности в реальной дружбе по частоте упоминаний идет помощь, поддержка. 16% детей надеются, что реальный друг, как в известной детской песенке, «в беде не бросит, лишнего не спросит», поможет любыми путями и доступными способами. В случае с дружбой онлайн подростки надеются только на самих себя и не ждут от виртуального друга какой-либо особой поддержки – попросить реальную помощь у своего «френда» из интернета считали уместным лишь 4% детей.

Наименее важными составляющими реальной дружбы для детей оказались взаимопонимание, характеризующееся через совпадение по интересам и взглядам (10%), регулярность общения (8%) и обмен информацией: новостями, событиями и впечатлениями (4%). Отметим, что в виртуальном мире категория «взаимопонимание» на основе анализа ответов наших респондентов выглядит достаточно противоречиво. Согласно части ответов подростков, онлайн-коммуникация

помогает лучше понять и узнать другого человека. Вероятно, это объясняется тем, что такое общение в силу вышеописанного феномена «случайного попутчика» менее обязывает собеседников и создает условия для раскрытия большего количества личной информации за меньшее время. Другая часть ответов подростков свидетельствует о том, что на самом деле реальное понимание другого человека, а точнее, пользователя в виртуальной среде зачастую либо отсутствует, либо невозможно в принципе. Например, несколько респондентов заключили, что «дружба в социальных сетях – это общение вообще неизвестно с кем», когда «люди общаются с непонятными личностями». Что касается обмена информацией, то данную категорию при характеристике виртуальной дружбы указала десятая часть опрошенных. При этом регулярность как одну из характеристик онлайн-общения упомянули только единицы. В целом по итогам проведенного нами контент-анализа, направленного на выявление рациональных представлений подростков-пользователей о различиях дружбы в реальном мире и онлайн-среде, выявилось, что школьники в достаточной мере осознают объективные особенности виртуальной коммуникации, которые сильно ограничивают возможность установления подлинно дружеских отношений в виртуальном мире.

Обсуждение и выводы

Благодаря социальным сетям, расширение круга общения российских школьников и накопление ими социального капитала в реальном и виртуальном мире значительно ускоряется. У младших и старших подростков отчетливо прослеживается тенденция к расширению кру-

га общения в виртуальном мире за счет «френдов» и «подписчиков». Количество социальных связей почти половины 13–16-летних подростков, проживающих в Московском регионе, эквивалентно числу социальных связей взрослого человека. Прирост социального капитала обеспечивается возможностью неограниченно расширять круг «френдов» и «подписчиков» в социальных медиа. Заметим, что, вопреки опасениям взрослых, дети достаточно осознанно подходят к формированию сети виртуальных коммуникаций. Тем не менее, больше половины школьников добавляют в свой «френд-лист» не только реальное социальное окружение, но и пользователей, знакомых им через третьих лиц – «друзей друзей», а также виртуальных друзей – пользователей, которых они встречают на просторах интернета в различных тематических сообществах, в онлайн-играх, на форумах, чатах и интернет-порталах.

Среди доверенных лиц подростков, бесспорно, лидируют реальные друзья, виртуальные в иерархии межличностных отношений занимают почетное второе место. Несмотря на то, что дети характеризуют дружбу в социальных сетях как «эмоционально пресную», небезопасную и даже фальшивую, они отдают предпочтение виртуальному другу, а не реальному знакомому. Более половины детей, имеющих «незнакомого друга» делятся с ним своими переживаниями, советуются, ждут от него помощи. Практически каждый второй ребенок доверяет ему свои секреты, каждый третий рассказывает о проблемах в семье, отношениях с ровесниками и с родителями.

Таким образом, можно заключить, что в настоящий момент в интернете в зоне личного пространства подростка в первую очередь находятся друзья, как реальные, так и виртуальные. Если изобразить круги общения современного школьника 13–16 лет (рис. 5.) в обычной жизни и в Интернете, оказывается, что виртуальные друзья зачастую оказываются ближе подростку, нежели реальные знакомые, которые только примыкают к личному пространству. Еще раз подчеркнем, что с этими людьми ребенок ни разу не встречался и не знает их лично, что в ситуации реальной жизни фактически приравнивает их к незнакомцам.

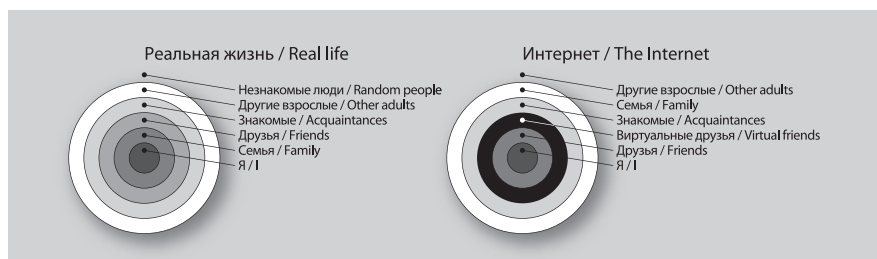


Рис. 5. Круг общения современных российских подростков в реальной жизни и в интернете
Fig. 5. Circle of communication of contemporary Russian adolescents in real life and on the Internet

Для цитирования: Солдатова Г.У., Теславская О.И. Особенности межличностных отношений российских подростков в социальных сетях // Национальный психологический журнал. – 2018. – №3(31). – С. 12–22. doi: 10.11621/npj.2018.0302

For citation: Soldatova G.U., Teslavskaya O.I. (2018) Interpersonal relations of Russian adolescents in social networks. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal], 11(3), 00–00. doi: 10.11621/npj.2018.0302

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2018
© Russian Psychological Society, 2018

Одновременно с этим подростки отчетливо осознают, что реальная и виртуальная дружба не эквивалентны. Они понимают, что реальная дружба имеет большую значимость в силу присутствия в ней таких компонентов, как непосредственный контакт, эмоциональный обмен, доверие, совместное времяпрепровождение, взаимопомощь. В виртуальной дружбе в качестве ее особенностей, наоборот, подчеркивается их отсутствие и в некоторых случаях замена новыми формами взаимоотношений. В большом дефиците непосредственный контакт с собеседником, редуцируется эмоциональный обмен, который неравнозначно компенсируется информационным обменом и оставляет ощущение отсутствия близости. Доверие и чувство безопасности оборачиваются недоверчивостью и тревогой, ощущением небезопасности. Обычные формы совместного времяпрепровождения с другом в реальной жизни в интернете заменяются текстингом – перепиской. Таким образом, виртуальная дружба, в отличие от реальной дружбы, это «дружба наоборот», в которой всего, что надо, не хватает. Тем не менее, понимание неравноценности реальной и виртуальной дружбы не останавливает детей от того, чтобы заводить онлайн-друзей и поддерживать с ними связи, которые могут оказаться как полезными, так и вредными в реальной жизни.

С сожалением отметим, что семья зачастую вообще остается «за границей» ближайшего круга общения ребенка. Во многом это обуславливается тем, что доверие подростков к родителям в виртуальном пространстве крайне низкое. Согласно данным всероссийского исследования, проведенного Фондом развития интернет, подавляющее большинство родителей (92%) не могут помочь детям при решении всех проблем в интернете. Практически половина (46%) чувствуют себя неуверенными интернет-пользователями, треть родителей вообще не знает о том, что

Подростки отчетливо осознают, что реальная и виртуальная дружба не эквивалентны. Они понимают, что реальная дружба имеет большую значимость в силу присутствия в ней таких компонентов, как непосредственный контакт, эмоциональный обмен, доверие, совместное времяпрепровождение, взаимопомощь

у его ребенка в виртуальной среде есть какие-либо сложности, а каждый пятый (20%) научился пользоваться интернетом, только благодаря своим детям. Поэтому более половины детей считают помощь родителей при решении своих проблем

новое явление, так как уже не одно столетие в контексте эпистолярного жанра существовали «друзья по переписке» – та же незнакомые в реальной жизни люди, связанные деловыми или дружескими отношениями. Однако в эпоху социальных

Семья зачастую вообще остается «за границей» ближайшего круга общения ребенка. Во многом это обуславливается тем, что доверие подростков к родителям в виртуальном пространстве крайне низкое. Согласно данным всероссийского исследования, проведенного Фондом развития интернет, подавляющее большинство родителей (92%) не могут помочь детям при решении всех проблем в интернете

в Сети бесполезной (Солдатова, Зотова, Рассказова, Нестик, 2013) (рис. 1). Учитывая сверхвысокую значимость виртуальной сферы общения в жизни современных подростков, можно предположить, что родители, теряя авторитет при решении затруднительных ситуаций в онлайн-среде, в определенной мере теряют доверие в глазах ребенка и при решении проблем реальных. Подростки начинают

сетей этот специфический вид дружбы стал массовым, а также более «осязаемым» и многогранным. Информационно-коммуникационные технологии позволяют не только написать «незнакомому другу», но еще услышать и увидеть его. Это еще один значимый штрих к портрету цифрового поколения и образу дружбы у современных подростков, требующие своего дальнейшего изучения.

Новый феномен «незнакомого друга» занимает в системе межличностных отношений современного подростка важнейшее место. Нельзя сказать, что это совсем новое явление, так как уже не одно столетие в контексте эпистолярного жанра существовали «друзья по переписке» – также незнакомые в реальной жизни люди, связанные деловыми или дружескими отношениями

воспринимать их беспомощными, способными стать не только наставниками своему ребенку, но даже просто друзьями, в которых он так нуждается и поэтому ищет их на просторах интернета.

Полученные данные показывают, что новый феномен «незнакомого друга» занимает в системе межличностных отношений современного подростка важнейшее место. Нельзя сказать, что это совсем

Информация о грантах и благодарностях

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение Гуманитарных и общественных наук) в рамках научно-исследовательского проекта «Поколение Z: информационно-коммуникационные технологии как культурное орудие развития высших психических функций», проект 17-06-00762.

Литература:

- Арестова О.Н., Махмудова С.Х. Субъективная презентация семейных отношений на разных уровнях осознанности (на примере подросткового возраста). // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2018. – № 1. – С. 55–69.
- Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. – Москва : МГУ, 1987.
- Журина М.А. «У всех есть девушки, а у меня пока нет». Как подростки знакомятся в интернете, с какой целью и кого они ищут // Дети в информационном обществе. – 2015–2016. – № 23. – С. 30–33.
- Кон И.С. Психология юношеской дружбы. – Москва : Знание, 1973.

- Кон И.С. Дружба: этико-психологический очерк. – Москва : Изд-во политической литературы, 1980.
- Мудрик А.В. Психология дружбы // Вопросы психологии. – 1981. – № 4. – С. 180–182.
- Райс Ф., Долджин К. Психология подросткового и юношеского возраста // пер. с англ. Е.И. Николаева. – Санкт-Петербург : Питер, 2010.
- Солдатова Г.У. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова. – Москва : Фонд Развития Интернет, 2013. – 143 с.
- Солдатова Г. Дети России онлайн. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова и др. [Электронный ресурс] // Дети России Онлайн : [сайт]. URL: http://detionline.com/assets/files/helpline/Final_Report_05-29-11.pdf – (дата обращения 20.08.2018).
- Сухомлинский В.А. Рождение гражданина. – Москва : Молодая гвардия, 1971.
- Allen J, Uchino B., & Hafen C.A. (2015) Running with the pack. Teen Peer-Relationship Qualities as Predictors of Adult Physical Health. *Psychological Science*. 10(26), 1574–1583.
- Armsden, G., & Greenberg, M. (1987) The inventory of parent and peer attachment: Individual differences in their relationship to psychological well-being in adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*, 5(16), 427–454.
- Brandzaeg, P.B., Heim, J., & Kaare, B. (2010) Bridging and bonding in social network sites – investigating family-based capital. *Int. J. Web Based Commun*, 6, 231–353.
- Brett, L. (1993) Close friendships in adolescence. *New Directions for Child Development*. 60, (3–22). San Francisco: Jossey-Bass.
- Brown, B., & Larson, J. (2009) Peer Relationships in Adolescence. *Handbook of Adolescent Psychology*. Eds. Lerner R.M., & Steinberg L.
- Dunbar, R. (2016) Do online social media cut through the constraints that limit the size of offline social networks? Royal Society Open Science. Retrieved from: <http://rsos.royalsocietypublishing.org/content/3/1/150292> (accessed 20.08.2018).
- Englund, M., I-Chun, Kuo S., Puig, J., & Collins, A. (2011) Early roots of adult competence. The significance of close relationships from infancy to early adulthood. *International Journal of Behavioral Development*, 6(35), 490–496.
- Freberg, K., Adams, R., McGaughey, K., & Freberg, L. (2010) The rich get richer: online and offline social connectivity predicts subjective loneliness. *Media Psychol. Rev.* 3.
- Hauser, S., Gerber, E., & Allen, J. (1998) Ego development and attachment: Converging platforms for understanding close relationships. In: Westenberg MP, Blasi A, editors. *Personality development: Theoretical, empirical, and clinical implications of Loevinger's conception of ego development*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 203–217.
- Holt-Lunstad, J., Smith, T., & Layton, B. (2010) Social Relationships and Mortality Risk: A meta-analytic Review. *PLoS Med.* 7(7). Retrieved from: <http://journals.plos.org/plosmedicine/article/file?id=10.1371/journal.pmed.1000316&type=printable> (accessed 20.08.2018)
- Howes, C. (1996) The earliest friendships. In *The company, they keep: friendship in childhood and adolescence*. UK: Cambridge University Press, 66–86.
- Hennighausen, K.H., Hauser, S.T., Billings, R.L., Schultz, L.H., & Allen, J.P. (2004) Adolescent ego-development trajectories and young adult relationship outcomes. *Journal of Early Adolescence*, 24, 29–44.
- Hinde, R. A. (1995) A suggested structure for a science of relationships. *Personal relationships*, 2 (1995), 1–15.
- Kuruzovic, N. (2015) Characteristics of adolescents friendship relations: a longitudinal study of the quality, length, stability and reciprocity. *Facta Universitatis*, 2(14), 115–129.
- Marsh, P., Allen, J., Ho, M., Porter M., & McFarland, F. (2006) The changing nature of adolescent friendships: Longitudinal links with early adolescent ego-development. *Journal of Early Adolescence*, 26(4), 414–431.
- Parker, J., Rubin, K., Erath, S., Wojslawowicz, J., & Buskirk, A. (1995) Peer relationships, child development, and adjustment: A developmental psychopathology perspective. In *Developmental Psychopathology: Theory and Method*. Eds Dante, Cicchetti and Donald, Cohen. New York: John Wiley & Sons, 421–477.
- Prinstein, M., & La Greca, A. (2004) Childhood peer rejection and aggression as predictors of adolescent girls' externalizing and health risk factors: a 6-year longitudinal study. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 72(1), 103–112.
- Quan-Haase, A., & Wellman, B. (2004) How does the internet affect social capital? *Social capital and information technology*. Cambridge, MA: MIT Press, 113–132.
- Rice, F., & Dolgin, K. (2010) *Psychology of adolescence and adolescence*. St. Petersburg, Piter.
- Soldatova, G.U. (2013) Digital competence of teenagers and parents. The results of the All-Russian study. G.U. Soldatova, T.A. Nestik, E.I. Rasskazova, & E.Yu. Zotova. Moscow, Fond Razvitiya Internet. 143.
- Voiskounsky, A.E. (2010) Internet Addiction in the Context of Positive Psychology. *Psychology in Russia: State of the Art*, 3, 541–549.
- Wang, H., & Wellman, B. (2010) Social connectivity in America: changes in adult friendship network size from 2002 to 2007. *Am. Behav. Sci.*, 53, 1148–1169.
- Wellman, B., Quan-Haase, A., Witte, J., & Hampton, K. (2001) Does the Internet increase, decrease or supplement social capital? *Social networks, participation and community commitment*. *Am. Behav. Sci.*, 45, 436–465.
- Zimmermann, P. (2004) Attachment representations and characteristics of friendship relations during adolescence. *Journal of Experimental Child Psychology*, 88, 83–101.

References:

- Allen J, Uchino B., & Hafen C.A. (2015) Running with the pack. Teen Peer-Relationship Qualities as Predictors of Adult Physical Health. *Psychological Science*. 10(26), 1574–1583.
- Arestetova, O.N., & Mahmudova, S.Kh. (2018) Subjective presentation of family relations at different levels of awareness (based on adolescence). *[Vestnik*

Для цитирования: Солдатова Г.У., Теславская О.И. Особенности межличностных отношений российских подростков в социальных сетях // Национальный психологический журнал. – 2018. – №3(31). – С. 12–22. doi: 10.11621/npj.2018.0302

For citation: Soldatova G.U., Teslavskaya O.I. (2018) Interpersonal relations of Russian adolescents in social networks. *National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal]*, 11(3), 00–00. doi: 10.11621/npj.2018.0302

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2018
© Russian Psychological Society, 2018

Moskovskogo universiteta]. Series 14. Psychology, 1, 55–69.

Armsden, G., & Greenberg, M. (1987) The inventory of parent and peer attachment: Individual differences in their relationship to psychological well-being in adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*, 5(16), 427–454.

Brandzaeg, P.B., Heim, J., & Kaare, B. (2010) Bridging and bonding in social network sites – investigating family-based capital. *Int. J. Web Based Commun*, 6, 231–353.

Brett, L. (1993) Close friendships in adolescence. *New Directions for Child Development*. 60, (3–22). San Francisco: Jossey-Bass.

Brown, B., & Larson, J. (2009) Peer Relationships in Adolescence. *Handbook of Adolescent Psychology*. Eds. Lerner R.M., & Steinberg L.

Dunbar, R. (2016) Do online social media cut through the constraints that limit the size of offline social networks? Royal Society Open Science. Retrieved from: <http://rsos.royalsocietypublishing.org/content/3/1/150292> (accessed 20.08.2018).

Englund, M., I-Chun, Kuo S., Puig, J., & Collins, A. (2011) Early roots of adult competence. The significance of close relationships from infancy to early adulthood. *International Journal of Behavioral Development*, 6(35), 490–496.

Freberg, K., Adams, R., McGaughey, K., & Freberg, L. (2010) The rich get richer: online and offline social connectivity predicts subjective loneliness. *Media Psychol. Rev.* 3.

Gozman, L.Ya. (1987) Psychology of emotional relationships. Moscow, MGU.

Hauser, S., Gerber, E., & Allen, J. (1998) Ego development and attachment: Converging platforms for understanding close relationships. In: Westenberg MP, Blasi A, editors. *Personality development: Theoretical, empirical, and clinical implications of Loevinger's conception of ego development*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 203–217.

Holt-Lunstad, J., Smith, T., & Layton, B. (2010) Social Relationships and Mortality Risk: A meta-analytic Review. *PLoS Med.* 7(7). Retrieved from: <http://journals.plos.org/plosmedicine/article/file?id=10.1371/journal.pmed.1000316&type=printable> (accessed 20.08.2018)

Howes, C. (1996) The earliest friendships. In *The company, they keep: friendship in childhood and adolescence*. UK: Cambridge University Press, 66–86.

Hennighausen, K.H., Hauser, S.T., Billings, R.L., Schultz, L.H., & Allen, J.P. (2004) Adolescent ego-development trajectories and young adult relationship outcomes. *Journal of Early Adolescence*, 24, 29–44.

Hinde, R. A. (1995) A suggested structure for a science of relationships. *Personal relationships*, 2 (1995), 1–15.

Kuruzovic, N. (2015) Characteristics of adolescents friendship relations: a longitudinal study of the quality, length, stability and reciprocity. *Facta Universitatis*, 2(14), 115–129.

Kon, I.S. (1973) Psychology of youthful friendship. Moscow, Znanie.

3. Kon, I.S. (1980) Friendship: an ethical and psychological essay. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury.

4. Mudrik, A.V. (1981) Psychology of Friendship. [*Voprosy Psikhologii*], 4, 180–182.

Marsh, P., Allen, J., Ho, M., Porter M., & McFarland, F. (2006) The changing nature of adolescent friendships: Longitudinal links with early adolescent ego-development. *Journal of Early Adolescence*, 26(4), 414–431.

Parker, J., Rubin, K., Erath, S., Wojslawowicz, J., & Buskirk, A. (1995) Peer relationships, child development, and adjustment: A developmental psychopathology perspective. In *Developmental Psychopathology: Theory and Method*. Eds Dante, Cicchetti and Donald, Cohen. New York: John Wiley & Sons, 421–477.

Prinstein, M., & La Greca, A. (2004) Childhood peer rejection and aggression as predictors of adolescent girls' externalizing and health risk factors: a 6-year longitudinal study. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 72(1), 103–112.

Quan-Haase, A., & Wellman, B. (2004) How does the internet affect social capital? Social capital and information technology. Cambridge, MA: MIT Press, 113–132.

Rice, F., & Dolgin, K. (2010) Psychology of adolescence and adolescence. St. Petersburg, Piter.

Soldatova, G.U. (2013) Digital competence of teenagers and parents. The results of the All-Russian study. G.U. Soldatova, T.A. Nestik, E.I. Rasskazova, & E.Yu. Zotova. Moscow, Fond Razvitiya Internet. 143.

Soldatova, G. Children of Russia online. The results of the EU Kids Online 2nd international project in Russia. G.U. Soldatova, E.I. Rasskazova, E.Yu. Zotova et al. [Deti Rossii Onlayn]. Retrieved from: http://detionline.com/assets/fi les / helpline / Final_Report_05-29-11.pdf (accessed August 20, 2018).

Suhomlinsky, V.A. (1971) The birth of a citizen. Moscow, Molodaya gvardiya.

Voiskounsky, A.E. (2010) Internet Addiction in the Context of Positive Psychology. *Psychology in Russia: State of the Art*, 3, 541–549.

Wang, H., & Wellman, B. (2010) Social connectivity in America: changes in adult friendship network size from 2002 to 2007. *Am. Behav. Sci.*, 53, 1148–1169.

Wellman, B., Quan-Haase, A., Witte, J., & Hampton, K. (2001) Does the Internet increase, decrease or supplement social capital? Social networks, participation and community commitment. *Am. Behav. Sci.*, 45, 436–465.

Zhurina, M.A. (2015-2016) «Everyone has a girlfriend, but I do not have any yet.» How do adolescents get to know the Internet, on what purpose and whom they are looking for. [*Deti v informatsionnom obshchestve*], 23, 30–33.

Zimmermann, P. (2004) Attachment representations and characteristics of friendship relations during adolescence. *Journal of Experimental Child Psychology*, 88, 83–101.